

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Первое представлѣніе „Вишневаго сада“.

Позвольте въ „Чеховскій день“ воскресить въ памяти впечатлѣніе о первомъ представлѣніи „Вишневаго сада“ въ Петербургѣ — впечатлѣніе, бѣгло набросанное шесть лѣтъ тому назадъ, давно заслоненное ворохомъ забытыхъ газетныхъ страницъ.

„Въ виду настойчивыхъ заявленій со стороны публики, дирекція театра покорнѣйше проситъ занимать мѣста до открытія занавѣса и во время дѣйствія въ залъ не входить“.

Такъ предупреждали афиши московскаго Художественнаго театра.

Кажется, достаточно ясно и убѣдительно. И шрифтъ, какимъ набрано это увѣдомленіе, — о, вполне справедливое! — тоже ясенъ и высокъ по номеру.

А между тѣмъ случилось вотъ что.

Когда стемнѣло, раскрылся занавѣсъ, и въ окна стараго дома постучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ — въ зрительный залъ тихо пробралась цѣлая толпа странныхъ существъ.

Контролеръ на лѣстницѣ пробовалъ ихъ остановить. Потребовалъ билеты. Сослался на запрещеніе. Но странныя существа представили карточку-пропускъ, написанный рукой самого Чехова, сказали, что ихъ хорошо знаютъ Немировичъ и Станиславскій; что они въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей труппой; что въ Москвѣ ихъ тоже знаютъ, и во время исполненія чеховскихъ пьесъ они всегда присутствуютъ.

Контролеръ замаялся. Они прошли.

Прошли. Изъ зрителей никто ихъ не замѣтилъ. Имъ не заикали, чтобы не шумѣли. Потому что они не шумѣли.

Тихо пробрались между рядами стульевъ и стали за 442 креслами, въ проходахъ.

Ихъ было ровно столько, сколько зрителей. Или немного меньше. Всего что-то около полутора тысячъ.

За каждымъ сидящимъ зрителемъ помѣстился другой, новопришедшій. И стоялъ. Но стоялъ такъ, что не мѣшалъ никому и не вызывалъ нареканий.

Это были ангелы. Ангелы нашего дѣтства. Ангелы нашихъ грезъ. нашихъ смутныхъ исканій. нашихъ неоформленныхъ мечтаній.

Ангелы, давно отлетѣвшіе — потому что имъ было холодно, а мы въ дорогихъ шубахъ. Ангелы, которые въ Ялтѣ отъ Антона Павловича узнали, что вотъ сегодня, перваго апрѣля 1904 г., премьера „Вишневаго сада“, и пришли въ театръ.

Боже мой, какіе разнообразныя ангелы! Какое разнообразіе лицъ, окраски глазъ, волосъ!

Большіе и маленькіе, съ худенькими ручками и нѣжнымъ мечтательнымъ взоромъ. Худые ангелы вообще преобладали. Полныхъ почти не было видно. Только кое-гдѣ. Вотъ одинъ пополнилъ въ ложѣ, вотъ другой за этимъ студентомъ на галлерей. А вѣдь студентъ самъ тощенькій, худенькій.

Было даже нѣсколько курьезныхъ неожиданностей. За женщинами часто попадались мужскіе ангелы (есть такіе) и наоборотъ. Толстый, грузный финансистъ имѣлъ маленькаго ангела, похожаго на крестьянскихъ мальчишекъ Нестерова; хрупкія и на видъ очень поэтическія женщины охранялись приземистыми, неуклюжими, съ хорошо развитыми икрами ангелами. За сѣдымъ поэтомъ N сидѣлъ захудалый ангелъ-дѣвочка съ однимъ крыломъ; другое у него (нея) было подшиблено. Кажется, послѣднимъ стихотвореніемъ поэта N.

„Среди присутствовавшихъ мы замѣтили“ прекраснаго ангела въ облоснѣнныхъ крыльяхъ за кресломъ курсистки Нины Измаковой; ангелъ съ печальными и вдумчивыми глазами, изъ которыхъ поминутно катились слезы, стоялъ за стуломъ (четырнадцатый рядъ) Лидіи Биренсъ. Въ ложѣ бельэтажа за дамой въ черной вуали обращалъ на себя вниманіе какой-то анонимный ангелъ съ лицомъ ибсеновской героини.

Были ангелы: за креслами актеровъ, режиссеровъ, журналистовъ, художниковъ.

Даже за бесплатными креслами многихъ рецензентовъ видѣлись довольно хорошо сохранившіеся ангелы.

Но самый прекрасный ангелъ съ огромными крыльями, въ которыхъ цѣлы были всѣ перышки, помѣстился во второмъ ряду. Онъ заслонялъ собой небольшую, очень характерную голову съ длинными волосами и подстриженными усами.

Это былъ ангелъ Максима Горькаго. Въ антрактахъ многіе пробовали его разглядывать. Такъ онъ былъ хорошъ...

Въ окна стараго дома стучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ. Нѣжныя, милыя вѣтви, обсыпанныя бѣлыми цвѣтами, такими же бѣлыми, какъ крылья ангеловъ.

И ангелы слушали музыку, и тихія слова, и тихую грусть, и тоску вишневаго сада. Слушали музыку всѣхъ вишневыхъ садовъ, весеннихъ садовъ, прекрасныхъ, дивныхъ, поэтическихъ садовъ всего свѣта.

И тихо помахивали крылами и тихо проливали слезы. И не стыдились ихъ.

Въ окна стараго дома стучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ...

Ольга Книпперъ... Нѣтъ Ольга Чехова—жена Цезаря—открыла окно. И вѣтви, вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, вмѣстѣ съ пѣніемъ предутреннихъ птицъ, врывались въ комнаты стараго дома и протягивали свои лепестки, свои бѣло-снѣжныя, какъ крылья ангеловъ, лепестки.

Ахъ, если бы сорвать! Хотя бы одну крохотную вѣточку! Одинъ цвѣтокъ! Одинъ лепестокъ...

Въ окна стараго дома стучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ.

Развѣ вѣтви? Не бѣлые ли это скипетры, которые держала въ рукахъ богиня счастья?

Ахъ, если бы сорвать! Хотя бы одну крохотную вѣточку... одинъ лепестокъ.

Всѣ ангелы, сколько ихъ было въ залѣ театра Литературно-Художественнаго общества, заплакали. Даже толстоватый ангелъ, съ мускулистыми икрами, сталъ усиленно сморкаться.

А театральные рецензенты подумали, что это птицы поютъ въ вишневомъ саду, и отмѣтили въ своихъ записныхъ книжкахъ:

— Станиславщина. Птицы—похоже. Но какія же это птицы? Слѣдовало бы выяснитъ по учебнику орнитологіи.

Въ окна стараго дома стучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ...

Стучалось счастье. То, которое никогда-никогда не приходит, которое отцвѣтаетъ въ одну ночь, лепестки котораго вѣтеръ развѣялъ по близлежащимъ грустнымъ и широкимъ полямъ.

Ангелы опять всхлипли.

Потомъ наступило лѣто. Въ завязяхъ оплодотворенныхъ вишневыхъ цвѣтовъ зрѣетъ новая жизнь. То были цвѣточки — ягодки впереди. Вишню будутъ сушить, мочить и продавать...

Съ барышомъ.

Въ окна стараго дома стучались вѣтви вишневыхъ деревьевъ. Это было въ дождливую темную ночь. Такъ объясняли, вмѣсто Чехова, ангелы, которые все стояли за зрителями.

Луна Станиславскаго спряталась за тучи Немировича. Было холодно и непривѣтно. Вишневая вѣтвь плакала, по ихъ корѣ струились слезы; садъ прощался съ домомъ навѣки.

Ахъ, навѣки!..

Настало холодное утро. Три градуса мороза.

Домъ продали, а вишневый садъ — весь, весь садъ вырубил.

Рубили громко, жестоко, такъ громко, что нельзя было слышать рыданій полутора тысячъ ангеловъ, „зайцами“ пробравшихся въ театръ.

Но, когда спектакль окончился, контролеръ — это былъ очень исполнительный молодой человекъ, и Владимиръ Ивановичъ ему вообще довѣрялъ — почувствовалъ угрызения совѣсти и отправился къ Немировичу.

Онъ откровенно рассказалъ ему всю исторію и просилъ не штрафовать...

Но Владимиръ Ивановичъ хитро подмигнулъ, улыбнулся и безнадёжно махнулъ рукой.

— Это вѣдь клака Антона Павловича: каждый разъ ихъ подсылаемъ, — сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ:

— Чудакъ. Вы подумайте только...

Въ это время послѣдній ангелъ дернулъ его за фракъ. Немировичъ оглянулся и пошелъ распорядиться, чтобы плотники за кулисами поскорѣе убрали настроеніе.

Осипъ Дымовъ.